

широко распространено в буржуазной историографии. Однако советские историки показали полную несостоятельность этого утверждения¹.

И Шарф и в особенности Моортгат оправдывают агрессивную внешнюю политику древневосточных государств, идеалистически толкуют роль личности в истории. Объединение Египта Шарф объясняет исключительно деятельностью царя Менеса, представляя его «могущественной личностью» (*machtvolle Persönlichkeit* — стр. 39). В таком же плане оценивается деятельность Тутмоса III, который объявляется «выдающимся типом правителя» (*bedeutende Herrscherpersönlichkeit*). По мнению автора, завоевания Хоремхеба привели Египет к новому расцвету (стр. 150). Воспевая захватническую политику аккадских царей, Моортгат характеризует их как представителей «гениального рода властителей» (*genialen Herrschergeschlechts*), создавших благодаря своей энергии обширную державу (стр. 258).

Реакционность и теоретическая беспомощность взглядов Шарфа и Моортгата в полной мере проявляются и в тех редких случаях, когда они обращаются к вопросам социально-экономической истории. Так, пытаясь объяснить характер внутреннего развития Египта эпохи древнего царства, Шарф привлекает в качестве источника поучение Ипувера, однако истолковывает его крайне тенденциозно. По его мнению, в этом литературном документе излагается социальная революция времени правления дряхлого фараона Пепи II, в ходе которой «Верхний Египет отделился от Мемфиса и с Синайского полуострова орды чужеземных захватчиков проникли в Нижний Египет» (стр. 61).

Таким образом, под социальной борьбой автором понимаются события главным образом внешне-политического характера. Такое толкование социального движения, описанного Ипувером, свидетельствует о стремлении реакционной буржуазной немецкой историографии, представителем которой является Шарф, отрицать наличие классовой борьбы в древности.

Пространнее, хотя и более запутанно, трактует социально-экономические вопросы Моортгат, пытаясь представить древнешумерийское общество лишенным классовых противоречий. Шумерийскую эпоху, якобы находившуюся под влиянием культа Таммуза, Моортгат называет временем организации общества на «теократическо-государственно-социалистической» основе, временем служения всего общества боже-ству, вследствие чего все силы общества находились в равновесии между собой (стр. 228). Вся история Шумера понимается автором как процесс постепенного отхода от первоначальной религиозной и государственной системы, обусловленной культом Таммуза, что приводило, по его словам, к росту противоречий между храмом и дворцом, к росту социальных различий (стр. 240).

С этих позиций оценивается Моортгатом и деятельность Урукагины, предпринявшего, по его мнению, попытку при помощи социальных реформ спасти первоначальную шумерийскую общественную форму — теократию (стр. 243). По словам Моортгата, реформы Урукагины были обречены на провал потому, что нельзя было восстановить прежнюю религиозную систему. Выход из этого, по мнению автора, лежал в создании больших государств, подобных Аккадской мировой империи, «в которой спор между храмом и дворцом окончился в пользу царского дома» (стр. 258). Держава Хаммурапи как раз и представляла собой, по его мнению, именно такое государство чиновников. В вавилонском обществе Моортгат находит крупных землевладельцев, различные категории свободных собственников, горожан (*Bürger*), батраков (*Knechte*), крепостных (*Hörige*) и рабов (*Sklaven*).

В основе этого модернизаторского построения Моортгата, фальсифицирующего историческую действительность, лежат тенденциозно толкуемые свидетельства источников о значительных пережитках первобытно-общинных отношений в древнейших городах-государствах Шумера, о тесной связи древнейшего храмового хозяйства с этими пережитками и о постепенном усилении борьбы царской власти с жреческой олигар-

¹ В. В. Струве, О гуманности хеттских законов, ВДИ, 1947, № 4, стр. 11—20.

хией¹. Реформы Урукагины действительно были обречены на неудачу, что определялось, разумеется, не слабостью религиозных верований, но исторической невозможностью на длительный срок в условиях роста рабовладения и социальных противоречий восстановить древние примитивные отношения и господство жреческой олигархии.

Разумная политика внутренних преобразований в сочетании с сильной властью и крупными внешнеполитическими успехами представляется Моортгату необходимым условием для успешного разрешения внутренних социальных противоречий. В этом отношении активная внешняя политика и бюрократический государственный аппарат государства Саргона I и Хаммурапи кажутся ему идеальными для поддержания классового мира в стране. Эти мысли Моортгата поразительно напоминают взгляды фашистских теоретиков. Известно, что именно фашизм путем проведения бесстыдной социальной демагогии и главным образом агрессивной внешней политики стремился разрешить все внутренние противоречия буржуазного общества.

Таким образом, концепции обоих авторов очень близки как по своим построениям, так и политической направленности. Их представления об историческом процессе на Древнем Востоке сводятся к идеалистическому толкованию роли отдельных личностей в истории и отличаются стремлением «доказать» определяющую роль идей в развитии общества.

И. А. Стуческий

H. SCULLARD, A history of the Roman World, 753 — 146, L., 1951, 470 стр.

Рецензируемая книга представляет собой второе издание одной из частей семитомной истории греко-римского мира (издание Мегуена). Ее автор, профессор Лондонского университета Скаллард, — один из видных историков Рима в современной Англии².

В первой части книги изложена история Рима с древнейших времен до столкновения с Карфагеном. Внутренняя история Рима в так называемый царский период сводится автором к описанию римских древних учреждений и деятельности семи царей. Для него не существует, разумеется, проблемы возникновения государства в Риме. Говоря о патрициях и плебейх, о реформе Сервия Туллия, автор ни в коей мере не связывает эти вопросы с проблемой возникновения государства. В оценке реформы Сервия Туллия автор присоединяется к Ласту, видевшему в ней преимущественно военные цели (стр. 48). В первой части книги основное внимание уделено описанию войн Рима за завоевание Италии (стр. 64—90 и 108—132), которое расценивается автором как величайшее благо для завоеванных племен и народностей. Скаллард заявляет, что римляне подарили завоеванной Италии «Римский мир», благодаря которому общины не могли больше разорять друг друга и была подавлена партийная рознь внутри каждой из завоеванных общин; «Рим, добывший гегемонию острием своего меча, принял роль судьи и полицейского» (стр. 130). Римское завоевание, по мнению автора, привело к «слиянию различных рас Италии в нацию» (стр. 131).

Оценка значения римского завоевания Италии в книге Скалларда, как легко заметить, отличается стремлением затушевать отрицательные, теневые стороны этого завоевания. Автор, видимо, сознательно закрывает глаза на то, что завоевание Италии Римом способствовало упадку производительных сил и непосредственно привело к

¹ См. И. М. Дьяконов, Государственный строй древнейшего Шумера, ВДИ, 1952, № 2, стр. 13—37.

² Наиболее значительные его работы: «Scipio Africanus in the second Punic War» (1930), «Roman Politics 220—150 B. C.» (1949). Рецензию на последнюю работу см. в ВДИ, 1953, № 2, стр. 141—145.

разрушению развитых в культурном и экономическом отношении городов Этрурии и Великой Греции. Скаллард идеализирует римскую политику в Италии, как бы не замечая жестокости и произвола римских властей. В отношениях Рима с покоренными италийскими общинами автор затушевывает одно из острых социальных противоречий — противоречие между полноправными римлянами и неполноправными италикками. Характерно, что Скаллард без всякого стеснения говорит о полицейской роли Рима по отношению к покоренным италийским общинам, хотя и оказывается бессильным понять, что сами италики в социальном отношении не представляли собой чего-то единого и что «роль полицейского» Рим играл прежде всего по отношению к низам италийского населения, всегда находившимся в наиболее резкой оппозиции римской политике.

История Рима от 264 до 146 г. до н. э. относительно подробно изложена во второй и третьей частях книги; но и здесь она представлена почти исключительно как военно-политическая история. При этом внешняя политика Рима рассматривается автором вне всякой связи с внутренними процессами социально-экономического развития Италии, причем Скаллард стремится защитить Рим от обвинений в агрессивности.

В римской внешней политике этого времени автор различает два периода: первый — от 241 до 197 г. до н. э. и второй — от 197 до 146 г. до н. э. Ни в первом, ни во втором периоде, как утверждает автор, аннексия чужих земель не являлась целью Рима. Если после Первой Пунической войны Рим и сделал территориальные приобретения, то это, по мнению Скалларда, объясняется исключительно тем, что Рим не желал, чтобы этими землями владел Карфаген. Захват Иллирии автор объясняет и оправдывает несколько иначе — римляне должны были иметь в качестве естественной границы Альпы (стр. 171). Стремление оправдать римскую агрессию выявляется особенно рельефно при оценке причин Второй Македонской войны (стр. 234—237). Скаллард считает неприемлемым мнение некоторых историков, что римская политика конца III — начала II в. до н. э. должна быть определена как «агрессивный империализм и милитаризм». О неправильности этого взгляда, по его мнению, свидетельствует то, что Рим не аннексировал Карфагена и не захватил Македонию после победы во Второй Пунической и Второй Македонской войнах (стр. 235). Все же Скаллард высказывает некоторое несогласие с Олло¹, считавшим, что римская политика направлялась альтруистической любовью к грекам, филлэллинизмом, стремлением защитить свободу греков от варваров. Скаллард пытается нащупать среднюю линию между двумя крайностями в определенных римской политике. Эту среднюю линию, которая якобы характеризовала истинное направление римской политики, он называет «оборонительным империализмом» (*defensive imperialism*). Именно эта идея «оборонительного империализма», как утверждает Скаллард, явилась причиной Второй Македонской войны, приведшей к установлению протектората над Грецией «в интересах Греции и Рима». Автор умалчивает о том, что «освобождение» Греции было лишь этапом на пути к ее полному порабощению Римом. В конечном счете римский «оборонительный империализм» захватил все Средиземноморье. Полибий, на которого чаще всего ссылается Скаллард в своей попытке оправдать римскую агрессию, отчетливо понимал, что войны Рима с 264 по 146 г. до н. э. имели целью установление римского господства в Западном и Восточном Средиземноморье.

«Средняя линия» Скалларда мало чем отличается от взглядов Олло. Характерно, что, выступая против обвинения Рима в агрессивности и милитаризме, Скаллард использует те же самые доводы, какие до него приводил Олло. Поэтому отличие взглядов Скалларда от взглядов Олло является скорее отличием терминологического, чем принципиального, характера. Введение термина «оборонительный империализм» в научный оборот далеко не случайно. В современной политической обстановке ширящегося народного движения за мир, в обстановке растущей уверенности широких слоев населения, что империализм и война неотделимы друг от друга, реакционная историо-

¹ M. H o l l e a u x, La politique romaine en Grèce et dans l'Orient Hellénistique au III siècle, RF v. L, 1926.

графия Запада всячески стремится маскировать агрессивные цели и помыслы империалистической буржуазии.

Намеренное искажение причин и характера римских завоеваний неразрывно связано у Скалларда с отрицанием рабовладения как социально-экономической основы римского общества. Автор не хочет видеть заинтересованности определенных слоев римских рабовладельцев в захвате рабов, земли, добычи. На протяжении всей своей работы Скаллард упорно пытается доказать, что не экономические и торговые, а исключительно политические мотивы руководили римской внешней политикой. Ограничительная политика Рима в отношении Родоса после Третьей Македонской войны и последовавшее затем объявление Делоса свободным портом объясняется автором исключительно желанием наказать Родос. От упадка Родоса и возвышения Делоса, как полагает Скаллард, выиграли не римляне, а «восточные элементы» (стр. 319). Римляне якобы также не были экономически заинтересованы и в разрушении Карфагена. Последнее Скаллард, вслед за Карштедтом, объясняет только страхом перед Маспннсою, боязнью, что Карфаген будет захвачен нумидийским царем.

Однако беспристрастный анализ литературных и эпиграфических источников свидетельствует о том, что греки — жители Южной Италии, бывшие агентами римских торговцев и ростовщиков, после римских завоеваний в большом числе утвердились на островах Эгейского моря и что римляне извлекали большую выгоду от деятельности этих агентов. Известно, что разрушение Карфагена и Коринфа, являвшихся конкурентами южноиталийских городов, принесло большие выгоды римским торговцам и ростовщикам, а также и крупными землевладельцам.

Стремление затушевать классовую структуру античного общества приводит автора к критике взглядов тех ученых, которые признают классовый характер римского общества и пытаются выяснить влияние классовой борьбы на внешнюю политику государства. В одном из приложений (стр. 432) автор обрушивается на английского историка древности М. Уэзон, которая в своей книге «Классы и классовая борьба в древней Греции» пыталась объяснить вмешательство Рима в греческие дела тем, что Рим боялся перенесения «социальных беспорядков» из Греции в Италию. Скаллард считает это мнение ошибочным, а предпринятый М. Уэзон анализ социальных отношений в Италии неверным. Не касаясь вопроса о правильности анализа социальных отношений в Италии, данного Уэзон, мы считаем заслуживающим внимания ее стремление рассматривать римскую политику в Греции с учетом острой классовой борьбы, которая происходила там в первой половине II в. до нашей эры.

Усердие Скалларда в борьбе против попыток материалистического объяснения исторического процесса не прошло незамеченным в реакционной буржуазной историографии. В американском журнале «Classical Philology» (1953, № 1) Скаллард удостоился похвалы за то, что он дополнил второе издание своей книги «разумной критикой» взглядов Уэзон.

Восхваляя римский «военный гений», которому якобы многим обязана «современная западная цивилизация», Скаллард намеренно затушевывает факты героизма, проявленного народами Средиземноморья в борьбе с римской агрессией. Так, неудачи римлян в Испании автор приписывает лишь гению Вирриата, а поражение испанцев объясняет «изменчивостью испанского темперамента», которую не учел Вирриат, «подобно Сципиону и Веллингтону» (стр. 294).

Героическая борьба испанского народа против римской агрессии, а также вся последующая его история свидетельствуют как раз о том, что на протяжении всей своей истории испанский народ настойчиво боролся с захватчиками.

Скаллард стремится также оправдать и обелить римскую провинциальную систему, следуя в этом отношении за Ростовцевым. Он находит, что в целом римская провинциальная система была здоровой, а подати умеренными (стр. 320). Свою точку зрения Скаллард пытается подкрепить свидетельством Полибия (VI, 56) о том, что у римлян редки случаи изобличения в хищении. Хорошо известно, что римские судьи, жившие на доходы от грабежа провинций, не проявляли особого рвения в изобличении своих коллег. Однако и известные нам факты ограбления провинций римскими намест-

никами красноречиво свидетельствуют о том, что римская провинциальная система представляла собой хищническую эксплуатацию завоеванных областей и вела к истощению их людских и материальных ресурсов.

В последней части труда Скалларда сосредоточены сведения по экономике, быту и культуре Рима рассматриваемого периода. Если в предшествующих частях книги военная и политическая история была представлена вне связи с экономическим развитием Италии, то в этом разделе экономическая и социальная история изложена почти вне связи с политической, представляя собой как бы приложение к книге. Пытаясь иногда связать экономическую историю с политической, автор модернизирует исторический процесс. В изменениях, происшедших в сельском хозяйстве в результате завоевания Италии, Скаллард видит распространение капиталистической системы, под которой он понимает спекуляцию землей и использование рабского труда (стр. 333). Завоевание Римом Средиземноморья приводит к еще большему развитию капитализма в сельском хозяйстве (стр. 334). Рабству автор уделил лишь две страницы (стр. 352 сл.). Здесь мы не найдем ни характеристики источников рабства, ни понимания отличий раннего, патриархального рабства от классического. На всем протяжении существования рабства автор видит в нем только язву, разъедающую римское общество. Скаллард не видит той значительной роли, которую в Риме III и особенно II вв. играл торговоростовщический капитал. Римские всадники неизменно определяются как «класс капиталистов». Стремление умалить роль экономических факторов в истории побудило Скалларда утверждать, в отличие от других модернизаторов, что интересы «класса капиталистов» не играли сколько-нибудь значительной роли в направлении римской политики. На самом же деле римские всадники, отражавшие интересы римского торгового и ростовщического капитала, играли в этот период очень значительную роль, толкая римское государство на захватнические войны. Деятельность Катона Старшего, а впоследствии Гая Гракха, не может быть понята без учета сильного влияния, которое оказывало складывающееся всадническое сословие на внешнюю и внутреннюю политику Рима.

Работа Скалларда дает еще один пример деградации современной буржуазной науки. В страхе перед народными массами буржуазные ученые дошли до того, что чураются слов «классовая борьба» и стремятся путем фальсифицированных и подтасованных исторических параллелей с древностью оправдать систему колониального грабежа и захватнические войны.

А. И. Немировский

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ

О ЯЗЫКЕ ПИСЬМЕННЫХ ПАМЯТНИКОВ ИЗ НИСЫ (ЮЖНЫЙ ТУРКМЕНИСТАН)

Надписи на черепках от глиняных сосудов, найденные близ Ашхабада, на городищах Старая и Новая Ниса, в результате работы Южно-Туркменистанской комплексной экспедиции в 1948—1952 гг., являются первыми памятниками письменности, обнаруженными в коренных областях собственно Парфии. Это в то же время одни из самых ранних письменных памятников, найденных на территории Средней Азии. Значение этих надписей особенно велико еще и потому, что очень многие из них находятся в прекрасной сохранности и имеют совершенно точную дату.

Новые памятники сразу же привлекли к себе внимание научной общественности. И мы должны быть весьма признательны руководителю экспедиции М. Е. Массону и коллективу авторов, в составе И. М. Дьяконова, М. М. Дьяконова и В. А. Лившица, сделавших все от них зависящее для того, чтобы первые находки 1948 и 1949 гг. (семь надписей) были возможно скорее изданы и таким образом стали доступны всестороннему научному исследованию¹.

Указанным авторским коллективом проделана большая работа по дешифровке первых находок. Они определили характер письма и установили чтение многих слов. Им удалось правильно истолковать значение ряда слов и — что особенно важно — наметить верный подход к датировке надписей. Кроме того, они обстоятельно охарактеризовали относящиеся к парфянскому времени письменные памятники. Однако нам кажется, что задача, которую поставили перед собой авторы, в основном осталась неразрешенной. Неверное, с нашей точки зрения, чтение и неправильное толкование некоторых имеющих решающее значение слов помешало им понять общий смысл надписей и установить их назначение. Мы не можем согласиться и с данным авторами определением языка надписей².

¹ См. И. М. Дьяконов, М. М. Дьяконов, В. А. Лившиц, М. Е. Массон, Налоговые парфянские документы II века до н. э. из Нисы, «Материалы ЮТАКЭ», вып. 2 (1951). Все ссылки в тексте с указанием только страниц сделаны на эту работу. Из нее же взят приводимый в статье рис. 1. Указанный авторский коллектив именуется в статье для краткости «авторы» или «издатели первых находок».

10 января 1953 г. в собрании лингвистов и востоковедов, состоявшемся в Ленинградском отделении Института языкознания Академии наук СССР, автор настоящей статьи выступил с докладом на тему: «О языке вновь открытых надписей на территории Туркменской ССР», в котором он подверг всестороннему критическому анализу точку зрения издателей первых находок на природу нисийских надписей. В ВДИ № 4 за 1953 г. опубликована еще одна обстоятельная статья И. М. и М. М. Дьяконовых и В. А. Лившица, посвященная документам из Нисы. Так как авторы в этой статье развивают свою прежнюю точку зрения, то мои возражения в одинаковой мере приложимы к обеим работам указанных авторов.

² Авторы отстаивают ту точку зрения, что язык нисийских надписей — парфянский, а арамейские слова, составляющие их основу, являются идеограммами. Что же